КЛЕЙМЕНОВ АНАТОЛИЙ ЯКОВЛЕВИЧ

член Ассоциации еврейского права, адвокат, кандидат юридических наук

РЕЛИГИОЗНЫЙ СУД (АРБИТРАЖ) В СИСТЕМЕ АЛЬТЕРНАТИВНОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ

В статье, возможно, впервые в российской правовой доктрине исследуется допустимость рассмотрения религиозных судов в качестве постоянно действующих третейских судов, а также представителей религиозного культа в качестве медиаторов. Обосновывается практическая целесообразность закрепления за религиозным судом статуса постоянно действующего третейского суда. В статье выявляются спорные ключевые вопросы, связанные с приданием религиозному суду статуса третейского суда. Автор приходит к выводу о возможности интегрирования религиозных судов в систему альтернативного разрешения споров.

Ключевые слова: альтернативное разрешение споров, третейский суд, религиозный суд, публичный порядок, основополагающие принципы российского права

В последние годы в деловой оборот и правовую лексику прочно вошла аббревиатура английского термина АДР *(alternative dispute resolution)* — альтернативное разрешение споров.

Российское государство всячески поощряет развитие форм АДР, закрепив в процессуальных кодексах как традиционные, так и новые формы (методы, методики) разрешения правовых споров (и в стенах судов, в том числе с использованием экспериментальных форм в отдельных регионах, и вне судейских стен).

Необходимо отметить, что такая реакция государства является вполне закономерным и своевременным ответом на вызовы современной судопроизводственной системе и направлена на плодотворную и нужную работу по развитию института АДР, ведущуюся в российских научных и вузовских центрах[1].

[1] *В частности, в Центре правовых инноваций и примирительных процедур Воронежского государственного университета (руководитель — Е.И. Носырева), в Центре медиации Уральской государственной юридической академии (руководитель — С.К. Загайнова).*

Loaded: 20-04-2024 AMt 05:28:22

Как видно из названия статьи, на обсуждение вынесен основной вопрос о возможности признания светской властью религиозного суда (арбитража) в качестве нового (а на самом деле очень старого) субъекта разрешения экономических, гражданских и брачно-семейных споров, а также об определении его места, или, лучше сказать, его «вписываемости» в систему АДР.

С учетом того, что церковные суды в православии (начиная с епархиальных судов и заканчивая Архиерейским собором), хотя и составляют единую судебную систему Русской православной церкви, традиционно выполняли и выполняют функцию разрешения дел исключительно духовного свойства (поскольку предназначены для восстановления нарушенного порядка и строя церковной жизни[2]), а также с учетом отсутствия у автора специальных познаний в сфере мусульманского права в статье предлагается анализ поставленной проблемы на примере деятельности на территории России еврейских религиозных судов (арбитражей) (Батей динов)[3].

Исторически еврейское население России не имело тесных связей с государством (не было частью истеблишмента или чиновничества). На протяжении трех веков, с XVII до конца XIX в. (начало периода эмансипации евреев в России и в мире), светская власть последовательно игнорировала, если не сказать целенаправленно отделяла еврейскую часть населения от остальной, при этом признавая внутреннюю автономию еврейских общин. Изолированная жизнь делала столкновения со светской властью и ее институтами нечастыми, но неизбежными. В то же время такая вынужденная изоляция способствовала соблюдению и поддержанию еврейским населением собственных традиций, верований, а также вызывала рост значимости духовных ценностей.

Среди подобных традиций особую роль играло сохранение своей судебной автономии: гражданские дела, а в отдельных местах и уголовные, между евреями разрешались независимым еврейским судом.

До разрушения римлянами Второго Иерусалимского храма в 70 г. н.э. (до утраты еврейской государственности) в Израиле существовала система религиозных судов, восходящая к Верховному суду, Сангедрину. Религиозные суды рассматривали как вопросы чисто религиозного характера, так и в соответствии с канонами еврейского религиозного права все категории гражданско-правовых споров.

После утраты государственного суверенитета в диаспоре для сохранения национальной самоидентификации был установлен талмудический принцип запрета участия в судебных разбирательствах, проводимых нееврейскими судебными инстанциями. Такой принцип применялся вне зависимости от того, совпадают или нет местные законы с еврейскими законами, притом что согласно Талмуду государственные (местные) законы должны неукоснительно соблюдаться (трактат Недарим).

Соответственно, еще со II в. н.э. начали внедряться в практику арбитражные суды (третейские суды, как их называл один из наиболее авторитетных исследователей еврейского права, в прошлом заместитель председателя Верховного суда Израиля проф. М. Элон), разрешавшие споры в составе трех арбитров, лиц как сведущих, так и несведущих в религиозном законе.

Впоследствии (и до сих пор) в Израиле, а также во всех странах, где есть еврейское население, в том числе и в России, судебная автономия представлена Батей динами, разрешающими, в отличие от церковных судов, не только духовные (собственно религиозные) вопросы, но и цивильные споры, включая брачно-семейные.

Несмотря на эмиграцию нескольких миллионов российских евреев в Израиль и США в период с 1970 по 2000 г., еврейское население остается многочисленным. Потепление политико-социального климата за последние годы, снижение уровня антисемитизма, возможность беспрепятственного проведения религиозных праздников дает возможность евреям — гражданам России, уважающим и подчиняющимся

---

[2] *Нужно подчеркнуть, что к положению о церковном суде РПЦ, похоже, руку приложили процессуалисты, поскольку его текст во многом схож, если не сказать списан, с так называемой общей части светских процессуальных кодексов — ГПК и АПК РФ.*

[3] *В переводе с иврита Бейт дин — Дом суда, Батей дины — Дома судов.*

Loaded: 20-04-2024 AMt 05:28:22

ее законам, продолжать жить по многовековым традициям.

> Не является совпадением факт увеличения количества случаев обращения светских евреев за разрешением возникающих споров не в суды общей юрисдикции, а к известным им раввинам, которые фактически выступают в роли медиаторов, или обращения в местные религиозные суды, разрешающие дела в соответствии с еврейским (религиозным) правом.

Технически эти формы представляют собой пример взаимодействия между религиозным и светским правом.

В соответствии с Федеральным законом от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее — Закон о медиации) любой спор цивильного, экономического или делового характера может быть разрешен независимым медиатором. Законом не установлено специальных или жестких требований к статусу медиатора. Медиатор не обязательно должен быть юристом или даже иметь законченное высшее образование. Для помощи в урегулировании спора, или, лучше сказать, помощи сторонам в достижении взаимно приемлемого результата, медиатор обязан быть нейтральным и незаинтересованным лицом, при этом не оказывать консультационную (юридическую помощь) ни одной из сторон.

Выполняя возложенную на него законом функцию, при проведении медиативных процедур медиатор использует свой жизненный опыт, логику, образование. Неудивительно, что Закон о медиации ничего не говорит о применении юридических принципов, норм и правил (материального права) медиатором при разрешении споров.

На взгляд автора, это означает, что в рамках Закона о медиации в качестве медиатора может выступать раввин, он может использовать еврейский религиозный закон (Галаха), а также жизненный опыт, вообще не ставя в опасность соглашение, заключаемое по итогам процедуры медиации вследствие его возможного противоречия светскому (материальному) праву.

Как известно, Закон о медиации прямо не устанавливает возможность принудительного исполнения соответствующего соглашения, если одна из сторон отказывается добровольно выполнять его условия. Подобная ситуация не создает проблему столкновения религиозного и светского права, поскольку заинтересованная сторона (кредитор) не имеет права обращаться к светскому суду с заявлением о признании и приведении в исполнение решения, вынесенного по итогам процедуры медиации. Такая сторона вправе лишь предъявить в общем порядке соответствующее исковое заявление в светский суд, как будто процедура медиации вовсе не имела места. Альтернативой для заинтересованной стороны является положение ч. 4 ст. 12 Закона о медиации, которая рассматривает соглашение, заключенное по результатам процедуры медиации, в качестве сделки, юридически связывающей стороны. В этом случае истец может обратиться с иском в светский суд, выбрав необходимое и допускаемое гражданским законодательством средство правовой защиты, основанное на юридическом факте совершенной сделки.

С этой точки зрения единственной потенциальной сферой взаимодействия религиозного и светского права является признание и приведение в исполнение решений религиозных судов (арбитражей) светской властью.

Прагматические причины взаимодействия между светской властью и религиозными судами (арбитражами)

Несмотря на известные исключения из приведенного ранее общего правила о запрете обращения к светским судам с просьбой о правовой защите (например, когда ответчик уклоняется от рассмотрения дела в религиозном суде и истец получает разрешение такого суда на обращение к суду светскому), классическая формула «выбирая светский суд вместо суда религиозного, ты подрываешь авторитет еврейского права и раввинских судов»[4] исторически не была столь строгой в России, поскольку независимо от степени недоверия к властям или от уровня антисемитизма российские евреи традиционно обращались в суды за разрешением споров. Этот выбор также объяснялся и относительной быстротой судопроизводства и низкими судебными расходами.

[4] *Шулхан Арух. Эвен Хаэзер. Симан 26.*

Loaded: 20-04-2024 AMt 05:28:22

> Необходимость удовлетворения растущих духовных потребностей, а также приверженность российского еврейства многовековым традициям, с одной стороны, признание и популяризация светской властью альтернативных форм разрешения споров — с другой, являются причинами, которые в совокупности объясняют практическую целесообразность признания за религиозными судами возможностей, закрепленных Федеральным законом от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (далее — Закон о третейских судах).

О наличии не только практической, но и правовой возможности функционирования религиозных судов (на примере судов шариата) в качестве постоянно действующих третейских судов в прессе отмечал председатель президентского Совета по правам человека М. Федотов[5].

Здесь уместно и необходимо отметить, что укоренившееся в сознании наших граждан негативное восприятие судов шариата во многом объясняется отсутствием профессиональной и объективной информации об этом многовековом институте, функционирующем не только в странах мусульманского права, но и в Европе, например в Англии.

Религиозный суд как допустимая форма постоянно действующего третейского суда (арбитража)

Как известно, Закон о третейских судах устанавливает две формы третейского разбирательства: суд для конкретного случая и постоянно действующий третейский суд.

В определенной степени суды *ad hoc* имеют много общего с процедурой медиации, однако с тремя фундаментальными исключениями: сторона может обратиться к суду общей юрисдикции или арбитражному суду по вопросу о принятии обеспечительных мер; международно-правовые нормы, федеральные и местные законы применяются при рассмотрении дела по существу; победившая сторона может обратиться к суду общей юрисдикции или к арбитражному суду с просьбой о принудительном исполнении решения суда *ad hoc*.

В соответствии со ст. 3 Закона о третейских судах постоянно действующий третейский суд может быть образован (создан) любым юридическим лицом, должным образом учрежденным в соответствии с законодательством Российской Федерации. Условия создания (образования) такого суда просты — юридическое лицо должно принять решение об этом, утвердить положение о суде и список потенциальных арбитров. Как только эти несложные требования соблюдены, постоянно действующий третейский суд считается созданным, может функционировать, при этом санкция светской власти для легитимации его создания не требуется.

Соответственно, любая религиозная организация (применительно к любому вероисповеданию) может создать третейский суд или закрепить за уже созданным и работающим религиозным судом (который в обычном своем режиме никоим образом не соприкасается со светской властью) функции и полномочия третейского суда в смысле указанного Закона. Чтобы такой суд был признан светской властью, образовавшее его юридическое лицо должно поставить в известность соответствующий суд общей юрисдикции или арбитражный суд, представив для депонирования документы о создании постоянно действующего третейского суда. В результате стороны, принимавшие участие в третейском разбирательстве религиозного суда, вправе обращаться в эти суды с заявлениями об оспаривании или принудительном исполнении решений, вынесенных постоянно действующим третейским судом.

Неудивительно, что дел об оспаривании законности образования (учреждения) постоянно действующего третейского суда нет, вместе с тем светские суды рассматривают вопросы об имевших место нарушениях при формировании состава третейского суда, его компетенции, допущенных процессуальных недочетах при разрешении конкретных дел. Поэтому религиозные, в том числе раввинские, суды могут считаться постоянно действующими третейскими судами в контексте положений Закона о третейских судах.

[5] *Lenta.ru/news/2012/04/25/shariat1.*

Loaded: 20-04-2024 AMt 05:28:22

Следует отметить, что наиболее важной проблемой, связанной с признанием за религиозными судами права функционировать в качестве третейских, являются возможности и перспективы оспаривания и/или принудительного исполнения решений религиозных судов в соответствующих светских судах. Это соотносится со спорными вопросами правоприменения: применение религиозными судами норм религиозного права, неприменение светского права (материального права РФ) и возможный прямой конфликт религиозного и светского права.

Данные проблемы вытекают из положения ст. 6 Закона о третейских судах, согласно которой устанавливаются нормы, а также приоритет норм, применяемых при разрешении дела по существу.

Религиозный суд (арбитраж) против постоянно действующего третейского суда

Законом о третейских судах устанавливается возможность применения (помимо международно-правовых норм и положений законодательства РФ) правил делового оборота.

С 1 марта 2013 г. вступают в силу изменения в ст. 5 ГК РФ, согласно которым исключается слово «деловой» из конструкции «деловой оборот», и, таким образом, закон в новой редакции по существу определяет обычаи как долговременные признанные письменные или неписаные правила, применяемые в любой сфере человеческой жизни[6]. Было бы удивительно, если бы религиозный закон, в том числе еврейский, носящий ярко выраженный национальный характер, не мог бы быть рассмотрен в качестве таких обычаев для целей Закона о третейских судах и гражданского законодательства РФ.

Подтверждением тому являются не только признание зарубежной и российской правовой доктриной обычая в качестве правового источника, взаимной связи генезиса правового обычая с традиционными нормами морали, но и признание обычая естественным источником религиозного права[7].

Безусловно, вопрос о допустимости рассмотрения в качестве обычая (или обычного права) религиозных норм требует отдельного и обстоятельного анализа. Вместе с тем данная проблема не является фундаментальной и решающей для целей обсуждаемой темы, поэтому здесь и далее презюмируется, что нормы религиозного права, применяемого раввинскими судами на территории РФ, могут рассматриваться в качестве обычая в смысле, придаваемом ему ст. 5 ГК РФ (в ожидаемой редакции проекта ГК РФ).

Разрешая спор по существу с применением норм религиозного закона, религиозный суд использует признаваемые светской властью обычаи в качестве правовых источников.

Безусловно, неизбежны противоречия между применяемыми обычаями (нормами религиозного закона) и имеющими обязательную и превалирующую юридическую силу положениями светского материального права. Такие противоречия должны решаться в пользу светского права согласно п. 2 ст. 5 ГК РФ.

Однако возможный конфликт применимого права сам по себе не рассматривается Законом о третейских судах, а также российскими процессуальными кодексами в качестве основания для оспаривания или отказа в приведении в исполнение решения постоянно действующего третейского суда. Названные законы устанавливают абсолютно идентичные условия и основания для такого оспаривания[8]:

---

[6] *Статьи 1, 2 Федерального закона от 30.12.2012 № 302-ФЗ.*

[7] *Необходимо отметить, что в настоящее время еврейское религиозное право применяется в качестве правового регулятора (источника) в сфере частного права в носящей светский характер правовой системе современного Государства Израиль. При этом в основе правоприменения по частноправовым спорам лежит огромный корпус (имеющий обязательный, императивный характер документарный массив) так называемой устной Торы (Талмуда), передававшейся в течение полутора тысяч лет из поколения в поколение до того, как она была записана (существуют Иерусалимский и Вавилонский Талмуды) и запечатана (более изменения в тексты Талмудов не вносятся).*

[8] *Статьи 42, 46 Закона о третейских судах; ст. 233, 239 АПК РФ; ст. 421, 426 ГПК РФ.*

Loaded: 20-04-2024 AMt 05:28:22

- третейское соглашение является недействительным по основаниям, предусмотренным Законом о третейских судах или иным федеральным законом;

- решение третейского суда вынесено по спору, не предусмотренному третейским соглашением или не подпадающему под его условия, либо содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы третейского соглашения. Если выводы третейского суда по вопросам, которые охватываются третейским соглашением, могут быть отделены от выводов по вопросам, которые не охватываются таким соглашением, может быть отменена только соответствующая часть решения;

- состав третейского суда или третейское разбирательство не соответствовали положениям Закона о третейских судах;

- сторона, против которой принято решение третейского суда, не была должным образом уведомлена об избрании (назначении) третейских судей или о времени и месте заседания третейского суда либо по другим причинам не могла представить третейскому суду свои объяснения;

- спор в соответствии с федеральным законом не может быть предметом третейского разбирательства;

- решение третейского суда нарушает основополагающие принципы российского права.

Сам факт отсутствия конфликта обычая и применимого материального светского права в перечне оснований для оспаривания или неприведения в исполнение решений постоянно действующего третейского суда является поводом для анализа вопроса о правовых последствиях игнорирования религиозным судом, выполняющим функции третейского суда, наличия такого конфликта.

Как следует из п. 1 ст. 46 Закона о третейских судах, компетентный светский суд, который разрешает вопрос об оспаривании или приведении в исполнение решений постоянно действующего третейского суда, не имеет права и полномочий переоценивать доказательственную базу, установленную третейским судом, а равно отменять решение третейского суда и направлять дело на новое рассмотрение, в том числе по мотиву неправильного применения норм материального права.

Только нарушение наиболее важных, фундаментальных положений российского права, его основополагающих принципов является основанием для отказа в приведении в исполнение решения третейского суда. Подтверждением данного тезиса является как доктрина, так и обширная судебная практика, анализ которой позволяет прийти к указанному выводу.

В частности, С.В. Николюкин считает, что государственный суд не должен заниматься проверкой правильности применения третейским судом норм материального и процессуального права, т.е. не должен выполнять своеобразную кассационную функцию по отношению к решениям третейского суда. При этом он отмечает, что даже неправильное применение третейским судом норм материального или процессуального права не означает, что его решение в силу этого обстоятельства подлежит отмене[9].

Президиум ВАС РФ в Постановлении от 19.09.2006 № 4780/06 отменил состоявшиеся по делу судебные акты, которыми было отказано в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда со ссылкой на невозможность защиты отсутствующего у заявителя права по ничтожной сделке. По мнению судебных инстанций, акт третейского суда нарушал основополагающие принципы российского права.

Однако Президиум ВАС РФ подчеркнул, что, проверяя тезис о ничтожности сделки, бывшей объектом рассмотрения третейского суда, арбитражные суды фактически повторно рассмотрели требования истца по существу спора. Также отмечено, что вывод о ничтожности сделки как основание для отказа в выдаче исполнительного листа сделан без анализа того, какие именно основополагающие принципы российского права нарушены третейским судом.

Аналогичную по сути позицию занял Президиум ВС РФ в Постановлении от 02.06.1999 № 19пв-99пр, признав

---

[9] *Николюкин С.В. Особенности оспаривания решений третейских судов // Вестник арбитражной практики. 2011. № 1.*

Loaded: 20-04-2024 AMt 05:28:22

правильным определение Мосгорсуда о приведении в исполнение и выдаче исполнительного листа латвийскому юридическому лицу, несмотря на протест Генеральной прокуратуры РФ, заявлявшей о нарушении норм материального права при принятии решения латвийским государственным судом. При этом Президиум прямо указал, что доводы прокурора о неправильном разрешении вопросов о валюте спорного обязательства, вине ответчика и сроке исковой давности необоснованны, так как при рассмотрении ходатайства о разрешении принудительного исполнения решения иностранного суда на территории РФ суд не вправе проверять законность и обоснованность самого решения, в котором спорные вопросы нашли отражение.

Под нарушением основополагающих принципов российского права ВАС РФ понимает:

- ущерб суверенитету или безопасности государства исполнением решения третейского суда;
- ущемление интересов больших социальных групп;
- нарушение принципов построения экономической, политической, правовой системы государства;
- действия, затрагивающие конституционные права и свободы граждан;
- действия, противоречащие основным принципам гражданского законодательства, к примеру равенство участников, неприкосновенность собственности и свободы договора[10].

Такое толкование (хотя и не признанное общеобязательным) объясняет позицию кассационного суда — ФАС Московского округа, который в постановлениях от 30.01.2007, 31.01.2007 № КГ-А41/13932-06 и от 30.08.2011 № КГ-А40/8986-11 указал, что ничтожность сделки по основаниям, установленным ст. 169 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности», позволяет говорить о нарушении публичного порядка.

Данное толкование также объясняет позицию суда кассационной инстанции — ФАС Западно-Сибирского округа, который в постановлении от 26.10.2012 по делу № А67-9053/2006 основополагающими принципами российского права счел отраслевые принципы гражданского законодательства: принцип равенства участников гражданских отношений и принцип равного обеспечения восстановления нарушенных прав. При этом кассационный суд посчитал, что нарушением основополагающих принципов российского права будет нарушение публичного порядка — правовой категории, применяемой и используемой в международном частном праве в качестве основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений. В свою очередь Президиум ВАС РФ в п. 29 Информационного письма от 22.12.2005 № 96 и Постановлении от 20.03.2007 № 15421/06 разъяснил, что публичный порядок основан на принципах равенства сторон гражданско-правовых отношений, добросовестности их поведения, соразмерности мер гражданской ответственности последствиям правонарушения с учетом вины.

ФАС Волго-Вятского округа под основополагающими принципами российского права тоже понимает публичный порядок, а кроме того, конституционные принципы, основы правопорядка, принципы права (Постановление от 12.04.2007 № А31-7310/2006-8).

Из указанного следует, что в отсутствие законодательно закрепленного термина «основополагающие принципы или положения российского права» суды по делам об оспаривании решений третейских судов обладают известной дискрецией в вопросе о том, что считать в конкретном случае нарушением основополагающих принципов российского права.

Свидетельством такой дискреции является неоднородность судебной практики по исследуемому вопросу, равно как и прямо противоположные мнения, высказываемые в доктрине. Так, вопреки приведенным выше примерам, С.В. Николюкин полагает, что российская судебная практика отвергает прямую проекцию категории «публичный порядок» на понятие «основополагающие принципы права»[11], в то время как Г.К. Дмитриева эти понятия отождествляет[12].

---

[10] См.: Определение ВАС РФ от 28.04.2012 № ВАС-5156/12.

[11] Николюкин С.В. Указ. соч.

[12] Дмитриева Г.К. Международное частное право (часть третья ГК РФ). М., 2002. С. 120.

Loaded: 20-04-2024 AMt 05:28:22

Имеются отдельные примеры признания нарушениями основополагающих принципов российского права (помимо не вызывающих сомнения принципов права на защиту права лица участвовать в процессе, в котором рассматриваются вопросы о его правах и обязанностях[13], что закреплено в ч. 1 ст. 46 Конституции РФ), нарушений отраслевых процессуальных принципов — состязательности и равноправия сторон.

Представляется, что этот рассматриваемый и потенциально опасный (для религиозного суда) критерий мог бы касаться в первую очередь брачно-семейных споров — традиционной работы религиозных судов (с учетом имеющихся отдельных религиозных норм об отступлении от принципа имущественного равенства супругов в браке и при его расторжении). Вместе с тем в данном случае это не создает проблемы, поскольку брачно-семейные споры исключены из компетенции третейских судов.

> Что касается гражданских споров, думается, что конфликт (несоответствие, противоречие) между нормами российского материального (отраслевого) законодательства и религиозными нормами — обычаями, которые могут применяться религиозными судами, не должен служить основанием для оспаривания решения третейских судов в исследуемом контексте.

Равным образом непризнание в общем случае в качестве допустимого средства доказывания в раввинском суде свидетельских показаний близких родственников спорящих сторон (что приемлемо и допустимо в соответствии с канонами российского процессуального права) само по себе не должно служить основанием для утверждения о нарушении основополагающих принципов права.

Статьей 1 ГК РФ установлены отраслевые принципы гражданского законодательства — равенство участников гражданских отношений, неприкосновенность собственности, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, беспрепятственное осуществление гражданских прав, обеспечение восстановления нарушенных прав и их судебной защиты.

Вне зависимости от догматичности норм, определяющих поведение верующих и религиозных граждан, своеобразной императивности или предопределенности их поведения в смысле следования установленным религиозным нормам, именно в силу принципа свободы договора его стороны передают рассмотрение будущих споров на разрешение третейскому религиозному суду. При этом такие стороны заранее выражают согласие с применением религиозных правил и норм, несмотря на возможное их расхождение с положениями светского материального права, заранее соглашаются признать в качестве окончательного решение религиозного суда и обязуются его добровольно исполнять.

> Оспаривая впоследствии решение религиозного суда, защищаясь от его признания и исполнения средствами светской власти, выдвигая довод о противоречии решения основам российского права, соответствующая сторона действует недобросовестно, допуская злоупотребление правом в цивилистическом смысле. Будет злоупотреблением также и довод такой стороны относительно своей большей материально-правовой защищенности светским правом, нежели правом религиозным, поскольку в противном случае сторона не должна была выражать свое добровольное согласие на разрешение дела религиозным судом, действующим в качестве третейского.

Показательным является международный опыт использования конструкции религиозного суда в качестве внутреннего третейского суда. Так, английский Арбитражный акт 1996 г. прямо фиксирует право, в том числе религиозного суда, действующего в качестве постоянного арбитражного органа, разрешать подсудные гражданские споры[14] в соответствии с правом, выбранным сторонами для применения к существу их отношений, а если такое право не согласовано — по усмотрению арбитража. При этом в § 1 ст. 46 Акта прямо определено, что выбранным сторонами правом не обязательно должно быть материальное право Англии.

Неудивительно, что конструкции «нарушение принципов английского права» как основания для оспа-

[13] *См.: Постановление КС РФ от 26.05.2011 № 10-П.*

[14] *Брачно-семейные дела исключены из компетенции.*

Loaded: 20-04-2024 AMt 05:28:22

ривания решения религиозного суда, действующего в качестве арбитражного органа, в тексте Акта 1996 г. нет.

Однако основанием к отмене является нарушение публичного порядка. Интересным примером применения данной конструкции является дело *Soleimany v. Soleimany* (1998)[15]. В нем английский Апелляционный суд признал нарушением публичного порядка игнорирование раввинским судом Лондона установленного им факта противоречия заключенного сторонами договора нормам законодательства Ирана (государство стороны — поставщика по договору). С точки зрения еврейского права факт ничтожности договора в силу противоречия праву Ирана не имел юридического значения, но Апелляционный суд не признал решение раввинского суда.

Австрийский Арбитражный акт 2006 г. также предоставляет сторонам третейского разбирательства полную свободу в выборе применимого права (§ 603), а в качестве одного из оснований к оспариванию решения третейского суда (арбитража) называет противоречие процедуры разрешения спора и собственно итогового решения фундаментальным ценностям австрийской правовой системы (§ 611).

Из указанного определенно следует, что неприменение норм материального права (если только выбор такого права не был согласован сторонами) не может являться основанием для отмены решения третейского суда по мотиву нарушения фундаментальных правовых ценностей или публичного порядка, поскольку защищаемой ценностью как раз и признается бесспорное право сторон на выбор применимого права.

Когда настоящая статья была подготовлена к печати, автором была получена рассылка портала *Zakon.ru*, содержащая проект обзора Президиума ВАС РФ судебной практики по применению оговорки о публичном порядке. Выявленное в обзоре содержание категории «публичный порядок» в значительной степени подтверждает сделанный выше вывод об отсутствии нарушения фундаментальных правовых ценностей. Так, в обзоре под публичным порядком понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства, в частности обеспечивают суверенитет, безопасность государства, интересы больших социальных групп, конституционные права и свободы частных лиц.

Хотелось бы отметить, что решение в рамках процедуры медиации имеет гораздо больше шансов объективно противоречить основополагающим принципам российского права при согласии сторон этой процедуры с достигнутыми результатами. При этом государство это прямо допускает, резонно не предусматривая механизма ревизии итогов такой процедуры по аналогии с решениями третейских судов.

Соответственно, велика латентность юридически ничтожных обоснований достигнутых в рамках медиации результатов, особенно если учесть конфиденциальный характер такой процедуры. Считаем это пусть и незначительным, но аргументом в пользу легализации фактически давно работающего в России, как и в других странах мира, института религиозного суда (арбитража) в качестве постоянного действующего третейского суда.

[15] *www.nadr.co.uk.*

Loaded: 20-04-2024 AMt 05:28:22